

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

С. Б. Адоньева, Е. В. Бажкова

Функциональные различия в поведении и роли женщины на разных этапах ее жизни

По материалам фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета (Белозерское собрание)

В русской традиции как ритуальное, так и бытовое поведение было достаточно жестко регламентировано в зависимости от пола, возраста и социального статуса человека. Для женщины набор обязательных знаний и умений, правила поведения и запреты определялись ее принадлежностью к той или иной возрастной группе.

Простой пример из описания праздничных гуляний демонстрирует различие в моделях поведения девушек, замужних женщин и старух: в праздники по улице гуляли только девушки и иногда молодки, замужние женщины ходили по избам, старухи на улице обсуждали девок: как одеты да с кем ходят.

Фольклорный архив СПбГУ содержит ряд сведений об изменении поведения и обязанностей женщины в связи с изменением ее статуса. Разрозненность и неполнота материала объясняются тем, что до недавнего времени не велось целенаправленной записи подобного рода информации; в какой-то степени отличаются в этом плане лишь экспедиции последних лет. Материалы фольклорных экспедиций 1994 и 1995 годов в Белозерский край позволяют восстановить картину распределения бытовых и обрядовых функций женщины в традиционном укладе белозерской деревни конца XIX — начала XX века по рассказам информантов 60–93 лет.

Для каждого этапа жизни женщины в русском разговорном языке существовал соответствующий термин. В зависимости от возраста и семейного положения статус женщины маркировался как девка — молодуха — большуха — старуха. По определению В. Даля, *дева* (*девица, девка, девочка, девушка...*) — «всякая женщина до замужества своего», *молodiца* (*молodуха...*) — «молодая баба, замужняя нестарая женщина; до первой беременности; принеся в первых родах мальчика»; *большая* (*большуха...*) — «старшая в доме, хозяйка... *большина* — старшинство, первенство, власть, воля».

Половозрастной статус маркировался внешними признаками — одеждой, прической. До 5–6 лет, по воспоминаниям информантов, де-

тей обоего пола одевали одинаково, в «долгие» рубахи. После 5 лет девочкам одевали платье, мальчикам — штаны.

Первое, «выходное», ситцевое платье девушке шили к 15 годам, тогда же она получала первую обувь. Эта одежда носилась на праздники, а в первый раз надевалась при выходе в церковь. Праздничная одежда хранилась долго, с течением времени запасалась и другая одежда, которая шилась уже самостоятельно.

И замужние женщины, и девки ходили с покрытой головой, носили платки. Хозяйка никогда не садилась за стол без платка.

До замужества девушка заплетала косу*, замужняя женщина собирала волосы в пучок или на гребенку.

Девические работы

Обучать женским работам девочек начинали с раннего возраста. С 7 лет девочек могли отправлять «в няньки» — присматривать за маленькими детьми. С 10—12 лет девочки ходили с родителями на полевые работы: косить, грести, метать стога. В этом же возрасте учили готовить, но целиком готовила и топила печь в доме большуха, дочери могли лишь помогать.

Прясть учили с 5—7 лет. Сначала давали кудель похуже, из отрепий. Позже давали лен, лет с 10—15 пряли уже «самую лучшую» кудель; позднее всего учились прясть шерсть, так как ее прясть сложнее. (Льняная нитка может тянуться непрерывно, а шерстяная быстро отрывается, следовательно, и скручивать ее надо побыстрее.) Прясть учили мать или бабушка — старшие женщины в доме.

С 13—15 лет мать учила *ткать* («сновать»), по ряду свидетельств, прясть, ткать, вязать могли учить и другие умеющие женщины — тетя, крестная. Чаще всего ткать самостоятельно начинали после замужества в доме мужа, где кросна находилась в ведении свекрови, которая могла заново учить невестку ткачеству.

В возрасте приблизительно 8 лет учились вязать крючком кружева, в 13—14 лет — вышивать.

Обряд «первой нитки». Когда девочку учили прясть, первый выпряденный из отрепьев клубок бросали в печь (как правило, это делала бабушка). Пока он горел, девочка должна была сидеть «голой задницей» на снегу. Чем тоньше была нить, тем лучше был клубок, тем быстрее он горел, тем меньше приходилось сидеть. Так делали до тех пор, пока девочка не научится прясть, или же один раз, после которого считалось, что прясть девочка уже умеет.

А. Ф. Черехина вспоминает, как бабушка учила ее прясть. В Великий Четверг бабушка «разбудит до солнца, поднимет, а я еще и видеть

* Женщина, не вышедшая замуж и оставшаяся старой девкой, продолжает заплетать косу. Старых дев называют «сивокосыми».

не вижу, ничего не понимаю». Бабушка давала умыться «с серебра» (в умывальник была положена серебряная монета) и сажала за прялку. Чтобы хорошо прясть и шить, девочка должна была выпрясть три ниточки и прошить три стежка.

Изготовление кудели. Вся работа по выращиванию, уборке и обработке льна проделывалась женщинами. По воспоминаниям И. Г. Щукиной, женщине доверялся лен. Лен сеяли весной, в мае, убирали («таскали») в конце лета, в августе после Спаса (16 августа по старому стилю — Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа), когда лен отцветет, или на Хролы (Мучеников Флора и Лавра — 18 августа по старому стилю). Пололи лен девочки-подростки. После уборки девушки стелили лен на луг, где он некоторое время лежал, после чего его снимали, мяли, трепали, чесали. Сушили в бане или в печке, мяли и трепали во дворе до света, в темноте, чесали в бане.

Замужество

К моменту выхода замуж девушка уже умела, как правило, прясть, ткать*, готовить, выполнять другую домашнюю работу. Но в доме мужа сразу после свадьбы круг ее обязанностей был ограничен и устанавливался свекровью.

Ритуальная проверка хозяйственности молодой и введение в домашнее хозяйство совершались в первое утро пребывания в доме мужа: на второй день свадьбы *молодуха метет пол*. На пол кидают мусор: какое-либо «старье», сено, песок, деньги. Веник невестке подает свекровь. Если она подает веник вершиной, молодуха надевает на него платок.

По другим описаниям, невестка заметала пол, выбирая деньги, мусор приметала к порогу** и на мусор накидывала платок. Мусор убирала свекровь, и платок оставался ей в подарок.

На полу могли разбивать горшок с пеплом (в другой записи — с углем) и деньгами. Невестка мела пол комлем веника и выбирала деньги.

Когда невестка мела пол, веник старались украсть. Существовала примета: если молодая потеряла веник, долго с мужем не проживет.

Утром после завтрака свекровь приходила с прялкой, сядила и прjala. Невестка должна была покрыть ее (подарив тем самым) платком. Потом на пол кидали мусор, черепки, деньги, молодая мела. Если мела не чисто, ей говорили: «Ой, не умеет и мести невеста, не чисто еще и метет».

* Если свекровь еще молодая, она тклет сама, когда состарится, ткать начинает невестка. Пояса ткали только старухи — молодые не умели.

** По другой записи: «*Старенькие бабули говорят — надо знать, куда мести. Если мести к порогу — выметешь счастье; надо от порога отметить — выметают от порога*».

Подобный обряд мог проходить до венца — на просватанье или на девичнике. Когда сватали невесту, проверяли, хорошо ли видит, хорошо ли пол метет: жених рассыпал на полу мелочь, свахи звали девушку подобрать деньги или замести пол.

На девичнике разбивали горшок с сеном, соломой и деньгами, невеста мела пол, выбирая деньги.

Сразу после свадьбы свекровь, по ряду свидетельств, проверяла, умеет ли невестка шить (заставит сшить сарафан), прясть — даст шерсти попрясть («лен-то всякая прядет, надо проверить, умею ли шерсть прясти»).

Молодка—большуха

В доме мужа вела хозяйство большуха — свекровь. Она топила печь и готовила еду. Молодка ходила за скотиной, обряжала ее*. У печи находилась свекровь, «за свекровкой — стол, за невесткой — двор». На второй день свадьбы, утром, по отдельным свидетельствам, свекровь водила невестку на двор «закармливать» скотину: свекровь появлялась невестку платком, и они вместе шли во двор. Невестка должна была заранее припасти подарок. Чаще всего это был колоб — невестка от него отламывала и давала всей животине.

Пока «на большине» была свекровь, она все варила, пекла и готовила, смотрела за маленькими детьми. Молодуха ходила на работу в поле, стирала белье. Пока свекровь в доме, «тут уж не подступись ни к чему. Только работай». Она вела хозяйство; пока могла, печку не отдавала, а когда уже не могла готовить и топить печь, отказывалась сама, и ее сменяла молодуха. Когда большухе уже не под силу было вести все хозяйство, женщины — свекровь и невестка — *вместе пекли рыбник* (рыбник — пирог с запеченной в нем целиком рыбой — был важной принадлежностью свадебного и поминального столов). Свекровь учила невестку ставить тесто для пирога, показывала весь процесс приготовления. Рыбник пекли через несколько лет после рождения первого ребенка, тем самым старуха передавала право готовить еду невестке, и та становилась большухой, а свекровь «только, когда на стол подадут, сядет».

Хлеб пекла и готовила только большуха. Молодуха могла выполнять лишь какие-то части этой работы (чистить картошку, например, но не у печи), но никогда не готовила еду целиком, в частности, никогда не ставила тесто.

Хлеб пекли по заведенным правилам. Тесто всегда ставилось ночью. Когда в доме просыпались, все пироги были уже в печи. Вспоминает И. Г. Щукина: «Просыпаешься, чувствуешь запах печеных пирогов. В Георгиевском на Успение пекли хлеб. Бабулечка, у которой мы жили,

* По другим записям: «*Заведует*» скотиной, *доит корову большуха*».

она объяснила: хлеб, чтобы он был пышный, ноздреватый, ни лишнего сказать нельзя, ни двери открывать. Каждое дуновение действует на хлеб. Когда печешь, ходить нельзя. Если ходишь, нужно ходить медленно, плавно, и резко открывать дверцу нельзя, нужно все делать спокойно. Громко нельзя разговаривать, ни когда тесто ставишь, ни когда садишь что-то — для того, чтобы выросло, шуметь нельзя. Это говорят все. Все, что растет, на это нельзя кричать. «На заводе такой хлеб не получается», — сказала я бабушке, когда пробовала ее хлеб в Георгиевском, а она сказала: «Там суеты много».

Как видим, значительная сфера традиционных женских знаний и обязанностей подлежала передаче лишь по достижении женщиной определенного возрастного статуса. Женщина переходила из «молодух» в «большухи», по ряду свидетельств, только тогда, когда у нее рождалась дочь. С другой стороны, сын всегда приветствовался: на родине дарили подарки дороже, такую невестку больше почитали в семье, могли ставить даже выше старшей невестки, если у той были только дочери.

Женские работы

Часть работ в поле, на дворе и в доме была закреплена только за женщинами. Приготовление еды, печение хлеба было занятием исключительно женским, соответственно, печь и прилегающее к ней пространство считалось *женской* частью дома. Женщина носила дрова, топила печь, ходила по воду*, стирала белье, обряжала скотину, ездила за сеном. Жали в поле только женщины, им начинали помогать девочки с 12 лет**.

Большуха—старуха

После появления детей женщины могли участвовать в *похоронных ритуалах*, причитать на похоронах, включались в ритуальную деятельность, связанную с поминовением родителей. Информанты отмечают, что поминать ходили все, но руководила этим большуха.

Вспоминают случай, когда молодая женщина обмывала покойника, и это было не очень хорошо воспринято старухами: «Ты, милая, рано пошла». Обмывали покойника одинокие старые женщины («молодая не пойдет никакая»), но могли обмывать и старые *семейные* женщины.

* Воду могли носить и мужчины, в зависимости от того, как заведено в деревне. В деревне, где за водой ходят женщины, если увидят, что воду несет мужчина, — засмеют. Мужчины носили воду не на коромысле, а в ушате (т. е. в руках).

** Среди мужских работ названы: изготовление обуви (мужчины подшивали валенки, шили сапоги, плели лапти), плетение корзин, изготовление прялок; мужчина рубит дрова в лесу, смотрит за лошастью; в поле пашут и боронят мужчины и мальчики-подростки, сеют старики.

Это никогда специально не обсуждалось в разговорах, но практически во всех случаях знахарки, причетницы, свахи — старые женщины (неплодные) и вдовы, то есть те, которые принадлежат этому возрастному статусу (старухи), хотя он (статус) может так и не именоваться.

Магия. Девушке не сообщались практические магические действия. Замужняя нерожавшая женщина — молодуха — посвящалась в магию рождения и ухода за ребенком, но лечебная магия оставалась для нее закрытой. Знали лечебную магию большухи и старухи. Снять сглаз и нагустить порчу, приворожить или развести могла старуха, которая обладала необходимым знанием, «знала слова».

Говорят, что «бывают такие бабушки, которые могут и плохое, и хорошее делать одновременно. А другая может только хорошее делать, а другая — только плохое». Приворожить — «девки-то сами не сделают. Если надо, дак куда они сходят... Но все равно, старые люди пива наварят, в пиво какого-то колдовства накладывают...»

Родины. Принимали роды только старухи. Повитухой должна быть бабка — старуха, знающая, поскольку суть родильного обряда — получение души из мира мертвых и ее правильное обустройство в мире живых. Не случайно это событие было отмечено особой закрытостью: в течение 6 недель после рождения ребенка повитуха жила вместе с родильницей или, во всяком случае, полностью брала на себя опеку над ней и ребенком, и только она могла посещать их до указанного срока.

В деревне, как правило, были известны старухи, которые умели принимать роды, — повитухи. «Обычно это уже старая женщина, молодые не умеют. Молодым не передавали умение. Только уж когда совсем старая становилась, помирать собиралась, тогда уж передавали или невестке своей, или дочке. Чужим не передавали, только по родне». Молодые помогать при родах не могли, так как они не обладали необходимым знанием.

Старуха, принимавшая роды, заговаривала ребенка от грыжи. «Ребенка от грыжи заговаривали в бане. Мать держала его на руках, а бабушка заговаривала. Для этого специально приглашают бабушку, так как не каждая мать умеет заговаривать».

Именно старухи могли общаться («знались») с лешим. Рассказывают случай, когда повитуха, принявшая в ночь «трои роды», встретила старичка (лешего), который предсказал судьбу всех трех новорожденных: «Вот этот парень вот тогда-то умрет, этот в колодце утонет, а этому жить»¹.

На белозерской свадьбе были причетницы — подголосницы («причetailницы», «причеточницы») — женщины, принадлежащие указанному возрастному статусу (старухи). Причетница, водя невесту под локоть, начинала причетную фразу — невеста подхватывала.

Пожилые женщины заботились о магической защите свадьбы — разметали дорогу перед молодыми березовыми вениками.

У одиноко живущих женщин — вдов или одиноких старух — чаще всего молодежь собиралась на беседы, выкупала избу на святки. Пожилая одинокая женщина, у которой собирались гадать, перекрещивала блюдо, которое использовалось при гадании под подблюдные песни, и руководила самим процессом гадания.

Старухи хранили и передавали традицию, следили за соблюдением обрядов и обычаев. Часто рассказчицы ссылаются на своих бабушек («вот я от бабушки слыхала») или деревенских старух, которые знают, «как надо». А. А. Лукичева вспоминала случай, когда, по ее мнению, *рожонку*, потерявшую слишком много крови, не следовало вести в баню. Но «старухи-то все скопились» и настояли на соблюдении обряда: «...байну истопили, ее ... в байну».

Статусность этого периода жизни имела свои способы обозначения: женщины шили себе специальный головной убор — шапочку из тонкой ткани (покрывавшую всю голову), которую носили под платком.

Часть предметного мира оказывалась включенной в *женское* функциональное поле, сохраняя эту связь в ритуале и нарративе. В приложение к вышеописанному мы приводим свод ритуальных функций одного из символов *женского* ряда.

Береза

Старухи говорят: береза — женское дерево. Оно и приласкает, и согреет, и спать уложит — подушку в гроб набивали березовыми листьями.

Говорят, из всех деревьев береза — самая святая. «И вот когда устанешь, подойди к березе, пообнимай ее и постой у нее, и вся усталость твоя... Вот когда пойдете куда, только к березе дотронись, и вся усталость твоя спадет».

На Троицу девицы заплетают на горке косы на живой березе. Завивали березу на Вознесение, если она разовьется до Троицы, девушка выйдет замуж.

На Троицу березки срубали и ставили вдоль дороги, к дверям и под окна. После Троицы их собирали и сжигали подальше от деревни.

С березовыми ветками в Троицу ходили на кладбище, поминать; ветки оставляли на могиле.

Березовые ветки, принесенные в дом на Троицу, сохраняли дом от грозы.

На Троицу девицы гадали по березовым венкам: бросали в воду и смотрели, куда поплывет, — в ту сторону и замуж выйдешь; потонет — плохо.

Из березы ломают *веники*, что было и остается женским и девичьим занятием. Делают это после Троицы до сенокоса. С этими венками парятся в бане, в доме метут только березовыми венками. Только во время похоронного обряда могут использоваться другие деревья:

после покойника в избе заматают сосновым или вересковым веником, потом его сжигают.

В гроб под голову покойника кладут подушку, набитую березовыми листьями, сухие березовые листья с веников. Н. А. Звонарева вспоминает: свекрови в гроб положили перьевую подушку. «И вот маме-то и приснилось [приснилась свекровь, которая держала в руках перьевую подушку]... не положено эдакую подушку. А надо, говорит, листьяная. Раньше только листья березовое в подушки... (умирая, мать наказывала: «Мне, ради Бога, подушки эдакой не положите. Из листьев только»). Говорит, Дарья сказала [свекровь], что только покойнику положено из листьев».

Березовые веники жгли в поле на масленицу.

Когда заговаривали радикулит, клали березовый веник поперек порога и «рубили утин» поперек веника. После веник сжигали.

Березовым веником разматает дорогу дружка перед женихом и невестой.

Когда дожинали овес, последний сноп вносили в дом и ставили в передний угол. Назывался он «Иванушкой». Из березы вязали веник — это «Марьюшка». Когда сноп и веник вносили в дом, открывали двери и говорили: «Кыш все мухи вон, Иванушка с Марьюшкой в дом». В Покров «Иванушку» скармливали скотине по клочку, «Марьюшку» выносили из дома и оставляли где-нибудь.

По березовому венику девицы гадали на святки: к дверям ставили несколько предметов, подводили с завязанными глазами и смотрели, кому поклониться: если ухвату — круглоликая судьба будет, если крюку — долгополая, венику поклониться — щедровитая.

Несмотря на недостаточную проработанность этой темы и, как следствие этого, ограниченность полевого материала, имеющиеся сведения демонстрируют существенные функциональные различия в поведении и роли женщины на каждом из отмеченных этапов ее жизни. По мере изменения возрастного статуса женщины расширялась сфера ее знаний и ритуальных действий: из лица, на которое был направлен ритуал (невеста, роженица), она превращалась в лицо, за ритуал отвечающее (сваха, повитуха, причетница).

ИСПОЛЬЗОВАНЫ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНФОРМАНТОВ

Материалы 1994 года (июль)

д. Ануфриево: Алексеева Александра Тимофеевна, 1915 г. р., ур. д. Буково; Осипова Клавдия Андреевна, 1909 г. р., местная;

д. Воздвиженье: Трескина Александра Михайловна, 1917 г. р., ур. д. Макарьево;

д. Лапино: Овчинникова Мария Павловна, 1921 г. р., ур. д. Надково;

д. Надково: Гришина Анна Федоровна, 1926 г. р., ур. д. Рогачево; Смирнова Анна Ивановна, 1917 г. р., местная;

д. Фетинино: Панчихина Александра Ивановна, 1920 г. р., ур. д. Бульдеево; Малихова Антонина Ивановна, 1923 г. р., ур. д. Старино.

Материалы 1995 года (июль)

г. Белозерск: Щукина Ирина Геннадьевна, 1950 г. р., местная;

с. Георгиевское: Степанова Аграфена Ивановна, 1916 г. р., ур. д. Каменник; Шишова Настасья Антоновна, 1911 г. р., ур. д. [Хильки?]; Иванова Лидия Герасимовна, 1925 г. р., ур. д. Конецкая; Теричева Прасковья Епифановна, 1921 г. р., местная;

д. Ивановская: Турикова Александра Платоновна, 1925 г. р., ур. д. Абрамовское;

д. Прокино: Уверова Людмила Анатольевна, 1927 г. р., ур. д. Ягронец; Петрова Валентина Семеновна, 1914 г. р., ур. д. Кыргода;

д. Ванютино: Ганичева Валентина Платоновна, 1931 г. р., ур. д. Абрамовское; Егорова Нина Андреевна, 1933 г. р., ур. Курской обл.;

д. Панево: Теричева Александра Сергеевна, 1909 г. р., ур. д. Замощье;

д. Замощье: Панфилова Валентина Степановна, 1935 г. р., ур. д. Ивановская;

д. Пяшница: Лукичева Анна Александровна, 1920 г. р., местная;

д. Анашкино: Афоничева Елена Михайловна, 1914 г. р., ур. д. Чалекса; Попова Елена Михайловна, 1906 г. р., ур. д. Панинская; Подойникова Марья Михайловна, 1917 г. р., ур. д. Чалекса;

д. Данилово: Сафронова Евдокия Васильевна, 1908 г. р.; Спирина Мария Андреевна, 1919 г. р., ур. д. Польшино;

д. Никоновское: Яковлева Александра Кирилловна, 1933 г. р.;

д. Костино: Озерова Александра Михайловна, 1910 г. р.; Черехина Анна Филипповна, 1903 г. р., ур. д. Тоболкино; Ершова Александра Акимовна, 1910 г. р.;

д. Устье: Боричева Александра Константиновна, 1924 г. р., ур. д. Чалекса; Плющева Александра Васильевна, 1914 г. р., ур. д. Ангушевская; Чаева Авдотья Кирилловна, 1901 г. р., ур. д. Сенькино; Блинова Евстолия Семеновна, 1925 г. р., ур. д. Мегра;

д. Карл Либкнехт: Лысанов Александр Авксентьевич, 1919 г. р., ур. с. Рожаево; Костина Александра Михайловна, 1917 г. р., ур. д. Чалекса;

д. Буозеро: Капустина Александра Васильевна, 1911 г. р., ур. д. Курилкино;

д. Орлово: Петрова Анисья Ивановна, 1916 г. р.;

д. Максимово: Остапьева Надежда Константиновна, 1921 г. р., местная;

д. Банино: Демичева Анна Степановна, 1930 г. р., ур. д. Горки;

д. Попово: Оношко Ксения Осиповна, 1920 г. р., ур. Самарской губ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. аналогичный сюжет: Б а с и л а ш в и л и Н., Ф е д о т о в а М. Мифологические рассказы // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. С. 159–160.